

⁶ Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М., 1991. – С. 72.

⁷ Гадамер Г.-Г. О круге понимания // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. – М., 1991. – С. 73.

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу «Анчугов и Гладков против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» / [Электронный ресурс]. – <https://vk.cc/xmxxn1>

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу «ОАО «Нефтяная компания «ЮКОС» против России» в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» / [Электронный ресурс]. – <https://vk.cc/xmxxn1>

¹⁰ Кряжков В.А. Конституционный Суд РФ как участник процесса исполнения решений межгосударственного органа по защите прав и свобод человека // Государство и право. – 2017. – № 5. – С. 33.

Ливеровский Алексей Алексеевич*,
*Заместитель председателя Межрегиональной ассоциации
конституционалистов России, Судья Уставного Суда
Санкт-Петербурга в отставке,
кандидат физико-математических наук,
доктор юридических наук
(г. Санкт-Петербург)*

СТРАНЫ НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ: ИЗМЕНЕНИЕ ПАРАДИГМЫ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА

Современное представление о конституционном праве должно быть связано с тем коренным изменением его восприятия, возникшим в связи с политическими событиями, произошедших в странах Центральной и Восточной Европы начиная со второй половины XX века. В государствах «новой демократии» принимались конституции по известным демократическим образцам или существенно изменялись действующие правовые акты. Основой правовой системы европейских стран становились общепризнанные принципы международного права. Новый этап развития конституционной культуры¹

* © Ливеровский А.А., 2017

состоял в переходе от эпохи «приоритета обязанности» к «приоритету прав человека»².

Ранее конституционное право воспринималось как одна из отраслей позитивного права³, а Конституция как Основной Закон⁴, то есть, правовой акт, составленный из нормативных предписаний, имеющих высшую, по отношению к действующему законодательству, юридическую силу, и, в основном, регулирующих порядок формирования органов государственной власти и их полномочия. Особенно такое понимание конституционного права характерно для стран бывшего социалистического лагеря, которые вышли из авторитарных политических режимов и экономического господства государственной собственности. Традиционной характеристикой данных режимов, при формальном провозглашении демократии, как основы государственного устройства, являлся отрыв корпорации государственной власти от населения. Вместо установленного конституциями народовластия власть осуществлялась органами государственного управления, образующим пирамиду авторитарной схемы власти. Этому способствовало отрицание, как в научном, так и в законодательном плане, принципа разделения государственной власти. Положения конституций, формально демократического содержания, не соответствовали правовым условиям создаваемым властью. В теоретическом плане декларировался позитивизм – отождествление права и закона: «Право – это система общеобязательных, формально-определенных норм»⁵. В качестве права, традиционно отождествляемого со справедливостью, признавалась получившая форму закона воля власти, которая имела характер государственного принуждения.

Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации во многом отражает немецкую доктрину государственного права (Staatrecht) удачно вписавшуюся в позитивистскую парадигму и в советское представление о верховенстве права, как о режиме законности, созданного властью. Регулятором общественных отношений оставались конституционные нормы, устанавливающие основы политической, экономической и социальной систем. Однако, нормы, как продукт государственно-властной воли, нацелены исключительно на изменение или сохранение общественных отношений, причем, возможно, с преобладанием интересов власти, а не на реализацию, даже в части, априорно признанных обществом конституционных ценностей. Реализация в позитивистской парадигме положений Конституции, выполнение которых предполагало эффективное развитие гражданского общества и осмысленную публично-властную самоорганизацию людей, приводило к имитации конституционного развития.

Преобразованию парадигмы конституционного права способствовала учреждение и деятельность органов конституционной юстиции. Ранее, исходя из кельзеновского нормативистского понимания конституционного нормоконтроля, органы конституционной юстиции обозначались теоретиками права как «негативные законодатели», подчеркивая при этом дискретный,

фрагментарный характер их деятельности. В дальнейшем, доктринальный анализ судебной практики позволил выявить не позитивно-нормативный смысл решений органов конституционного нормоконтроля, а правотворческий потенциал влияния содержания решений на позитивные правоотношения. Как пишет Е.Курис: «Органы конституционной юстиции выступают в качестве «позитивного законодателя» в рамках их собственного права, хотя и довольно своеобразного»⁶.

Для решения вопроса о конституционности нормы органы конституционного нормоконтроля, толкуя конституционные принципы, создают правовые позиции, логически обусловленная последовательность которых, приводит к искомому выводу – резолютивной части решения. Г.А. Гаджиев рассматривает правовые позиции органа конституционного нормоконтроля как правовые принципы, пригодные для разрешения группы сходных юридических коллизий, имеющие общеобязательное значение и представляющие собой «выявленное судом кристаллизованное право»⁷. «Право» в данном случае следует рассматривать в естественно-правовом понимании⁸. Действительно, анализ содержания деятельности органов конституционной юстиции, состоящий в определении конституционности норм, принимаемых законодательными органами государственной власти, выводит на юридическую (естественно-правовую) модель регулирования общественных отношений. В недавних публикациях появилась доктринальная конкретизация представлений о юридической форме естественного права. Т.Н. Нешатаева⁹ считает, что юридической формой естественного права являются правовые принципы. Её позицию развивает А. В. Коновалов, утверждая, что использование правовых принципов для справедливого и эффективного правового регулирования связано с объективностью содержания естественного права¹⁰.

Объективность конституционных принципов, как регуляторов общественных отношений, вытекает из их предопределенности по отношению к результатам нормативно зафиксированного волеизъявления власти. В идеальном плане Конституцию принимает народ, предлагая власти руководствоваться конституционными предписаниями. В конструктивном плане конституционные принципы реализуют общественные ценности, признанные обществом как цели конституционного развития государства и, соответственно, как направления регулирования общественных отношений. Выбранные народом в качестве высших конституционных ценностей социальные ценности такие, как «жизнь человека», «достоинство человека», определяются уровнем конституционного развития общества и имеют естественное происхождение. Н.С. Бондарь пишет, что категория «достоинство человека», как и иные конституционные ценности, имеет естественное происхождение, и является «основой базисных ценностей современного конституционализма»¹¹. Естественность происхождения конституционных принципов должна пониматься в расширенном плане, то есть, не только, как истоки осознания необходимости обеспечения существования и безопасности человека, но и как рациональ-

ность осмысления правопорядка, диктуемого государственной властью. В качестве примера можно привести принцип разделения государственной власти, предложенный правоведами, как рациональное осмысление неприятия абсолютизма.

Механизм регулирования конституционными принципами отличается от нормативного регулирования. Правовое воздействие нормы на общественные отношения происходит в полном соответствии с ее содержанием. В отношении правового принципа допустимо вести речь о воздействии на общественные отношения в некоторой мере его содержания. Такой механизм регулирования общественных отношений дает возможность реализовать принцип в той мере, насколько это требуется для регулирования общественных отношений в определенной общественной ситуации. Возвращаясь к приведенному выше принципу разделения государственной власти, можно отметить, что «регулятором» меры воздействия этого принципа является доктрина «сдержек и противовесов», позволяющая осуществлять позитивацию данного принципа в соответствии с конкретным этапом развития конституционной культуры общества.

Как отмечает Т.А. Васильева, новая парадигма конституционного права предполагает возможность применения конституционных принципов к любому аспекту социальной жизни и любому конфликту интересов. В частности, возможно распространение действия конституционных принципов не только на отношения между личностью и государством, между органами публичной власти, но и на отношения между частными лицами¹². В современных терминах деятельность органа конституционной юстиции характеризуется как конституционализация права¹³. Трактовка этого позволяет не только говорить о корректировке волеизъявления власти, но и об определяющем влиянии выбранных народом социальных ценностей и правовых принципов на путь развития страны.

¹ Harutyunyan G.G. Constitutional culture: The lessons of history and the challenges of time. Yerevan, «Njar», New Millenium Constitutionalism: paradigms of reality and challenge. 2017. – 528 p.

² Bobbio N. Teoria generale del politica. Torino. – 1999. – P. 431-440.

³ Позитивное право – продукт государственно-властной воли, выраженный в законах и иных нормативных правовых актах.

⁴ Например, так определялась Конституция СССР 1977 года.

⁵ Алексеев С.С. Общая теория права: учеб. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. – С. 81.

⁶ New Millenium Constitutionalism: paradigms of reality and challenge. Yerevan. NJHAR. – 2013. – P. 107.

⁷ Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации как источник Конституционного права // Конституционное

правосудие в посткоммунистических странах: Сб. докладов. – М., 1999. – С. 116.

⁸ «Естественное право в той или иной форме есть нечто объективное, не зависящее от воли, усмотрения или произвола законоустанавливающей (государственной) власти, то есть, определенное, отличное от других социальное явление (социальный регулятор) со своей объективной природой, своей сущностью и отличительными особенностями» // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. – Москва, 2010. – С. 306.

⁹ Нешатаева Т.Н. Суд и общепринятые принципы и нормы международного права // Вестник ВАС РФ. – 2004. – № 3. – С. 126-128.

¹⁰ Konovalov A.V. One more time on the notion of ius naturale. // Вестник гражданского права. – М.: Изд. юрид. лит. – 2017. – № 6. – С. 31.

¹¹ Бондарь Н. Достоинство личности в аксиологической системе конституционного правосудия / Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван, 2014.

¹² Эффективность правового регулирования: / под общ. ред. А.В. Полякова, В.В. Денисенко, М.А. Беляева. – Москва: Проспект, 2017. – С. 95.

¹³ Крусс В.И. Конституционализация права: основы теории. – М. «Норма», 2016. – 240 с.

Мамонов Вадим Васильевич*,

Заведующий кафедрой государственного права

ГАОУ ВО Ленинградской области «Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина»

доктор юридический наук, профессор

(г. Санкт-Петербург)

ЛИЧНОСТЬ КАК КОНСТИТУЦИОННЫЙ ИДЕАЛ

Идеал определяется как высшая, трудно достигаемая степень совершенства, мыслимый предел желаний, стремлений. Прийти к идеалу невозможно, поскольку с его обретением возникает убеждение в законченности, пропадает интерес к росту, прекращается развитие. Идеал – это стимул для эволюции. Подобно горизонту всякий раз он будет отдаляться при приближении к нему. Прогресс означает не единение с идеалом, а предполагает процесс движения к образцу.

Конституция является особым правовым актом, определяющим стратегию развития, поэтому в ней определяются идеалы государства и общества. Как правило, идеалы можно вывести из анализа норм конституции, определяющих «дух конституции», нежели найти прямое указание на них в тексте.

* © Мамонов В.В., 2017